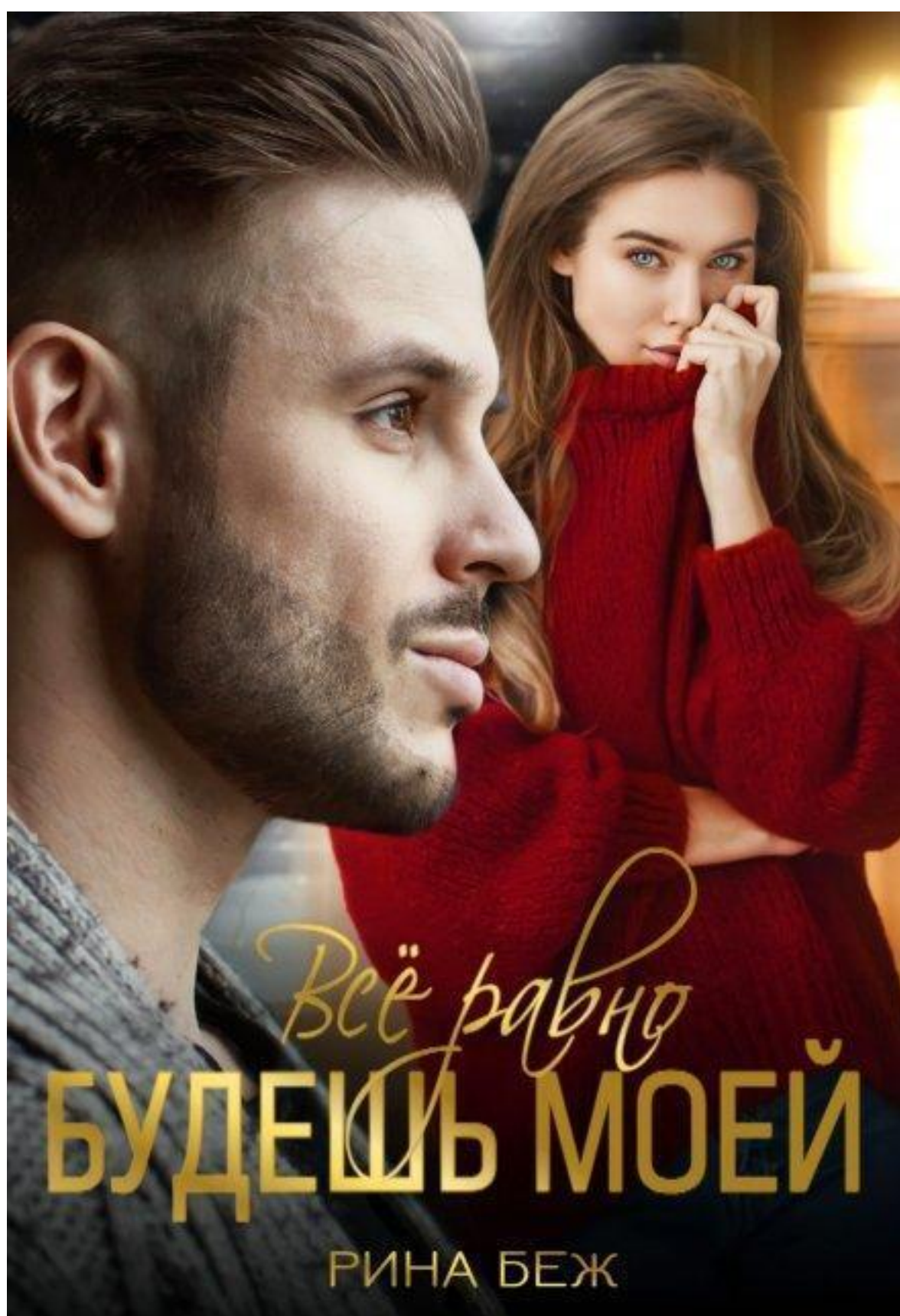

Все равно
БУДЕШЬ МОЕЙ

РИНА БЕЖ

Рина Беж

Всё равно будешь моей

«Литнет»

2021

Беж Р.

Всё равно будешь моей / Р. Беж — «Литнет», 2021

♥#Однажды мы оба сглупили, не разобравшись в ситуации. Он надолго исчез, а я, подчинившись воле матери, вышла замуж за другого. Но время расставляет всё по своим местам. Новая встреча, и будто не было прожитых лет. А тихо брошенная когда-то фраза: «Ты всё равно будешь моей!» обретает смысл. *** Есть ли жизнь после развода? А тем более личная? Раньше я сомневалась, теперь смело отвечаю: «Да, есть! Прекрасная жизнь. Счастливая и насыщенная! Главное, вовремя закрыть дверь в неудачное прошлое и уверенно улыбнуться будущему». И я улыбаюсь... своему бывшему однокласснику... своему когда-то любимому человеку... **НОВИНКА**

© Беж Р., 2021

© Литнет, 2021

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	22
Глава 5	27
Глава 6	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Пролог

♥#Однажды мы оба сгруппировались, не разобравшись в ситуации. Он надолго исчез, а я, подчинившись воле матери, вышла замуж за другого.
 Но время расставляет всё по своим местам.
 Новая встреча, и будто не было прожитых лет. А тихо брошенная когда-то фраза: «Ты всё равно будешь моей!» обретает смысл.
 ***
 Есть ли жизнь после развода? А тем более личная?
 Раньше я сомневалась, теперь смело отвечаю: «Да, есть! Прекрасная жизнь. Счастливая и насыщенная! Главное, вовремя закрыть дверь в неудачное прошлое и уверенно улыбнуться будущему».
 И я улыбаюсь... своему бывшему однокласснику... своему когда-то любимому человеку...

ОДНОТОМНИК

*****

 – Юлька, ну я же люблю тебя, дурочка! – перехватывает муж меня за запястье, не совсем контролируя силу.

– Нет, Вань. Ты любишь игры свои компьютерные. Любишь делать ставки и часами просиживать в интернете, не замечая ни меня, ни Полинку, – стараюсь потихоньку освободить зажатую в тиски конечность, на которой уже совсем скоро появятся бордовые следы.

Красные от недосыпания глаза супруга меня сильно пугают, так как горят нездоровым азартом.

– Да ладно тебе, чушь пороть! Что там с Полькой-то? Мелкая она еще и бестолковая. Вот вырастет, будет поумнее, так и стану с ней заниматься.

– Чем? Твоими рулеткой и покером, обчищающими карманы нашей семьи? Сколько ты опять проиграл за ночь?

– Ничего я не проиграл, – зло щурит глаза мой благоверный. – Не придумывай.

– А где отложенные на ремонт деньги?

– Так, не верещи! Верну я всё!

– Как? Отыграешься?

– Вот! Сама знаешь! Мне чуть-чуть до флеш-рояля сегодня не хватило. Всего-то еще пару тысяч требовалось подкинуть, а ты зажала.

– Вань, ты себя слышишь?

– Юлька, не нуди! Отыграюсь!

– Мне коллекторы вчера весь день названивали, – обхватываю себя руками, так как знобит от всего происходящего в нашем доме. – Вся почта письмами с угрозами завалена. Зачем ты в «БыстроДеньги» полез?

– Из-за тебя! Могла бы у родителей попросить в долг. Они пенсионеры, зачем им много? Надо делиться с молодыми.

– А на работу когда выйдешь? – меняю тему и отступаю к комоду, чтобы достать одежду для дочери. Скоро предстоит будить малышку, чтобы топтать в ясли. – Мама с папой тебе газель подарили, как ты хотел. Но работать, заметь, всё равно не торопиться.

– На газели весь день надо за баранкой сидеть. Скука смертная. Мне не понравилось. – кривится недовольно Иван. – Так что я уже с мужиками договорился. И тачку продал.

– Как продал? Когда? А деньги?

– Сказал отыграю! Значит, отыграю! – рыкает в ответ.

– Не отыграешь, Вань. И ты это отлично знаешь, и я. Поэтому... хватит! Прости, но я устала краснеть, возвращая ТВОИ долги! Устала бояться, что в дом ворвутся бандиты, требуя расплатиться по ТВОИМ распискам. Устала оправдываться перед родителями за ТВОИ поступки. Мы с Полей уходим.

– Чего это ты удумала, Юлька? – подходит ближе Иван, прищуриваясь и пытаясь надавить на меня взглядом.

– Надумала разводиться и жить спокойно, без страха и стресса, – задираю чуть выше подбородок.

– Милая, а как же семья и любовь до гроба? – протягивает руку к моему лицу муж и проводит по щеке костяшками, поглаживая.

Ласка, от которой волосы на затылке становятся дыбом, а по спине пробегают мурашки страха.

– Это только слова, Вань. Пустые слова, – выдыхаю, не отводя глаз.

– А если я тебя не отпущу? – резко перехватывает он меня за шею, не сжимая, но доводя своими действиями до ужаса.

Последние полгода я совершенно не узнаю своего мужа. Живу, как с чужим человеком. Можно сказать, капризным и требовательным ребенком, а не мужчиной.

– Отпустишь, – говорю с уверенностью, которой не ощущаю.

– Папочке, бывшему полковнику, пожалеешь? – наклоняется и шепчет на ухо, обдавая неприятным сигаретным запахом. – Не вздумай! Поняла?

– Да, – киваю, соглашаясь.

– И учти, милая, эта квартира моих родителей, так что тут ты в полном пролете. Даже рот не вздумай открывать, чтобы долю требовать. На себя или мелкую, – резко разжимает руку Иван, и я отшатываюсь назад, ударяясь копчиком о край комода.

– Не потребу, – качаю головой.

Ни за что не стану. Сами с Полиной всего добьемся.

Обязательно.

Главное, жить без оглядки и страха, что за тобой кто-то следит, чтобы забрать последнее.

– Идиотка, – несется мне вслед, когда я выхожу из гостиной и по совместительству личной территории Ракитина. – Подумай хорошенько. Кому ты нужна будешь, если не мне? Баба не первой свежести, пользованная, блу, да еще и «с хвостом»? НИКОМУ!

– Дочери, – произношу тихо, но уверенно, – дочери буду нужна...

Глава 1

Юля

 Я всегда думала, что не выйду замуж, а ребенка рожу для себя. Когда-нибудь потом... Лет после тридцати.

Когда нагуляюсь с подругами и всех их раздам женихам.

Почему?

А вот так.

Ничего-то там интересного нет.

Наверное, яркий опыт соседской жизни сказался. В дни дяди Серёжиных встреч с «белым змием» тётя Валя его обязательно скалкой по этажам гоняла. Когда же сосед становился трезвым, то непременно злым, и с веником за благоверной бегал уже он. А поскольку в месяц получка была дважды. То концерт без заявок все жильцы нашей четырехэтажки смотрели так же, как когда-то «Санта-Барбару». Безотрывно лет десять, как минимум.

По моим же родителям ориентироваться было совсем сложно. Их семейная жизнь казалась настолько положительно-идеальной, что возникало чувство обмана и неестественности. Это мало бросалось в глаза, пока папа служил, пропадая на рабочем месте практически сутками. А когда вышел на пенсию, я выросла и больше уделяла внимание уже своим девчачьим делам.

Забегая вперёд, скажу...

Мои детские планы пошли насмарку.

Все.

Как тот самый блин, который первый и всегда комом.

Однако, я этому только рада.

Но, давайте по порядку...

***

Меня зовут Юля.

Мне двадцать семь лет.

Вот как раз сегодня и исполнилось. Десять минут назад. В 6.45, как говорит мамуля.

И... Я мама самой сладкой малышки на свете. Моей умницы, красавицы и хитрюги Полиночки, обожающей сладости и мультфильм «Том и Джерри».

А еще я разведёнка.

Но такая счастливая, что порой некоторых, очень любознательных и дотошных, это неприятно удивляет и обескураживает.

Любят почему-то некоторые «особо умные» ярлыки на других навешивать. Если одинокая, значит, задавака с непомерными запросами. Если с мужем живёт, пусть и плохоньким, то нормальная баба. Ну а такие, как я, брошенки, однозначно, ущербные.

И уже не важно, какие были мотивы для развода. Главное – результат, поэтому и диагноз ими ставится моментально и изменению не подлежит.

Хотя, нет!

Если вдруг одиночке посчастливится повторно «мужика захомутать», значит, не совсем пропащая душа. И крест на ней ставить рано.

Эх, ну их, кумушек болтливых, вспоминать. Только время терять.

А его и так немного.

Пора моё солнышко четырехлетнее будить и в школу-сад собираться. Сегодня уже пятница. Последний рабочий день. Поэтому есть очередной повод порадоваться, что завтра никуда не надо бежать по морозу в темноте.

Зима на дворе. Конец января. Но это и прекрасно. Значит, скоро весна! Всё начнёт оживать и расцветать, даря тепло и ласку.

Обожаю весну, она меня словно заряжает энергией и вдохновляет. Особенно капель, тающий снег, первые цветочки на прогалинах и обманчиво-теплое солнышко.

– Поля, зайка, вставай, – захожу в комнату малышки.

И пусть дочурка уже считает себя дамой достаточно взрослой и самостоятельной, всё же помогаю ей сделать выбор одежды для покорения очередного кавалера на неделю.

– Уверена, Артём оценит эти желтые колготки и сарафан с клубничкой, – комментирую подобранные вещи.

– Максим, – выдает мое растрепанное со сна чудо, свешивая ноги с кровати.

– Не поняла?

– Артёма Катюшка забрала. Я ей разрешила. Мне теперь Максим нравится. У него машинки классные.

– А-а-а, – киваю понимающе. – Согласна, парень с собственными авто намного лучше.

– Ой, забыла! – потешно хлопает себя по коленкам моё чудо и, соскочив с кровати, шустрой егозой убегает к столу.

Смотрю на нее и удивляюсь: как быстро летит время.

Уже меньше чем через полгода пять исполнится. Совсем взрослая и самостоятельная.

А ведь еще недавно, когда мы спешно уезжали из родного города, где остались мои родители и бывший муж, Полине было только два с хвостиком.

Такими темпами не замечу, как наступит пора покупать рюкзак и дневник для школы.

– Нашла! – взвизгивает довольно малышка, вытягивая что-то из нижнего ящика, и, победно улыбаясь, несётся ко мне. – Мамочка, с днём рождения тебя!

Обнимает ручонками и звонко чмокает в щеку. Потом в другую и еще раз в ту, с которой начала.

– Я – молодец? – уточняет дочка, когда я рассматриваю врученный подарок – сделанную её руками открытку.

И даже подписанную. Пусть криво и с ошибками, зато точно от души.

– Ты – умничка, – чмокаю в курносый носик свою красавицу. – Спасибо за прекрасный подарок!

– Тебе, правда, понравилось? – уточняет Поля, когда мы дружно завтракаем овсянкой и чаем с печеньем. – Мне бабуля подсказала, а Анна Ивановна в саду помогла.

– Очень понравилось. Я ее в гостиной на комод поставила рядом с вазой, чтобы любоваться.

– Здорово! А за тортом мы в магазин пойдем? – надевая сапожки и шапку, уточняет самую важную вещь моя сладкожека.

Вот уж тут мы с ней солидарны. Обе любим побаловать себя выпечкой и кондитерскими изысками. Пусть не часто, но обязательно в дни получения.

– Да, сразу после сада вечером.

– А мороженое купим?

– А не лопнем? – смеюсь над малышкой, желающую всего и сразу.

– Не-ет. Но если тебе много, то я помогу доесть.

– Не сомневаюсь, – качаю головой. – Конечно, купим.

– Ух, класс! А какой сюрприз у нас будет завтра? – шурит голубые глазки маленькая лиса, желая выведать секрет.

– Скоро узнаешь, котёнок, – щелкаю по курносому носику и открываю дверь на улицу. – Ну что? Вперед?

– На встречу приключениям? – вылетает стрелой моя кнопка, подпрыгивая в снегу, успевшем завалить за ночь всю тропинку.

– Точно, – соглашаюсь, еще не зная, как мы с дочкой в этот момент правы.

***

– Здравствуйте, Юлия Сергеевна! – несется со всех сторон, когда мы с Полей подходим к нашему общему месту работы. А именно школе и детскому саду.

До сих пор не могу нарадоваться такой удаче. Ведь оба здания расположены не просто на одной улице, а буквально в ста метрах друг от друга. И всего в десяти минутах ходьбы от нашего дома. Красота, удобство и экономия времени!

– Мамочка, веди себя хорошо и не обижай учеников, – выдает моя кнопка привычную фразу, важно помахивая ручкой в варежке, когда мы заворачиваем в сторону площадки, где гуляют ребяташки из дочкиной группы.

Это она так мои слова переиначила, произнесённые в сентябре. После того, как по просьбе воспитателей поговорить с «драчуньей», не дающей никому спуска и строящей мальчиков по линейке, мне пришлось проводить беседу с любимой непоседой.

А что делать, если она такой боевой командиршей уродилась, с раннего возраста научившись добиваться своего не только разговорами, но и действиями.

– Хорошо, Полин, не обижу. Но и ты обещай то же самое.

– Договорились. Буду умницей, – кивает важно малышка, уже кого-то высматривая у меня за спиной. – Но это та-ак сложно.

– Я в тебя верю! Ты справишься, – присев на корточки, обнимаю свою красавицу и, подмигнув ей, отпускаю к другим ребятам.

Поздоровавшись и перекинувшись парой фраз со знакомыми воспитателями, перехватываю в другую руку сумку-портфель и, помахав Полине, с визгом скатывающейся с горки, устремляюсь в свою вотчину – кабинет математики.

***

Два года назад, подав заявление на развод, я не стала выжидать положенный для примирения сторон месяц и сидеть «на попе ровно», а тут же занялась поисками вариантов, куда можно уехать.

Оставаться в родном городе даже не рассчитывала. Не настолько он велик, чтобы муженек или те, кому благоверный задолжал, меня не нашли и не продолжили насыщать будни угрозами и требованиями.

Да, я боялась за свою жизнь и за жизнь Полины. И не без оснований, учитывая, с кем связался Ракитин.

И, что удивительно, уже в те дни совершенно не переживала за Ивана.

Устала переживать, беспокоиться и волноваться о том, кому это вообще нафиг не нужно. Кому все три года нашего брака отлично жилось на всем готовом и не стыдно было пользоваться любыми подворачивающимися возможностями, без стеснения и морали: дурочкой-женой, подрабатывающей даже в декретном отпуске, детскими пособиями, тещей и тестем, желающими помочь молодой семье, даже соседями, жалеющими невезучего парня, рано потерявшего родителей.

Что ж, молодец, Ракитин. Всех вокруг пальца обвел. Рыба-прилипала из него получилась идеальная.

Хорошо, что «прозрела» я раньше, чем наступила бы точка невозврата.

И замечательно, что мировой судьей на нашем участке работала Вильданова. В день, когда нас вызвали на заседание, хитрый Ракитин не явился. Уверена, он рассчитывал на то, что заседание отложат из-за отсутствия одной из сторон.

Но... просчитался.

Ангелина Львовна решила по-своему. Допросила меня. А скорее просто побеседовала с глазу на глаз, разузнав обо всем, чтобы иметь собственное представление. Покивала, посмотрев на свидетельство о рождении Полины.

И подписала решение.

Уже на следующий день папа перевез нас с Полей жить в другое место.

Наверное, именно в тот самый сложный месяц, когда моя, казалось бы, налаженная жизнь раскололась на части и тут же вновь начала возрождаться и перестраиваться, мы особенно сильно сблизились с отцом.

Да, именно с ним, а не с мамой, как ни странно.

Только ему, пусть и не сразу, я рассказала обо всём без утайки. Нет, не жаловалась. Он бы не оценил. Как человек, привыкший командовать другими и выслушивать сухие отчеты об исключительно проверенных фактах, от меня ждал того же.

Думаю, с задачей я справилась. Потому что отец только кивнул, показав, что информацию услышал, а после позвонил своему другу, заместителю начальника ОВД в другом районе нашей области. И попросил посодействовать единственной дочери обустроиться на новом месте.

Пал Палыч не подвел.

Подыскал работу по специальности. Преподавателем математики у пятых – девярых классов в средней поселковой школе.

Ну а дальше, прямо как в сказке, обнаружились отличные «плюшки»: поскольку местность, где нам с дочкой предстояло жить, является сельской, то для приезжего, но такого необходимого учителя выделили ведомственное жилье и вне очереди устроили ребенка в детский сад, как льготника.

Вот так и вышло, что к моменту получения решения мирового судьи о расторжении брака я имела крышу над головой, работу и место для дочки в первой младшей группе. А, переехав, еще и спокойные нервы, крепкий сон и желание двигаться дальше.

Было ли разбито моё сердце?

Нет.

Однозначно, нет.

Только в душе появилось глухое разочарование от предательства близкого человека, каковым я считала своего мужа.

И нет, я не робот. Без чувств и эмоций. А именно таковой могла показаться.

Я обычная русская баба.

Просто, однолюбка.

И, может, к сожалению, но скорее к радости, Ракитин не тот человек, которому я однажды подарила свою любовь, а в придачу и сердце.

Эх, как же все просто и сложно одновременно.

Но сейчас не время ностальгировать.

Через десять минут звонок на урок. Значит, пора поторопиться открыть кабинет и впустить ребят в класс для подготовки к занятию.

Поздоровавшись в учительской со всеми присутствующими, быстренько скидываю пуховик и шарф с шапкой, меняю сапоги на удобные замшевые балетки и, выбрав нужный журнал, выхожу в коридор.

– Юлия... – выступает мне прямо наперерез Шляков, директор школы и детского сада по совместительству.

Причем подходит так близко, что я делаю шаг назад. Не люблю, когда нарушают личное пространство.

– Доброго утречка, – сияет он, как начищенный самовар.

– Здравствуйте, Константин Федорович, – киваю и прижимаю журнал 9А класса к груди, используя его словно щит.

Липкий, неестественно-приторный взгляд, скользящий по моей фигуре и уделяющий непозволительно много времени именно тому месту, которое я прикрываю, отталкивает и вызывает неприятные мурашки.

Брр!

Пусть мужчине всего немного за тридцать, но ранние залысины, лоснящийся лоб и довольно заметный живот, хотя нет, уже пузико, добавляют ему десяток лет, как минимум.

Да и весь он какой-то навязчивый, раздражающий и антипатичный.

– Прекрасно выглядите, – возвращается директор, наконец-то, к моему лицу.

Что радует.

– Благодарю, – едва заметно обозначаю улыбку.

– Вы подумали над моим предложением? – потирает довольно влажные руки.

Откуда знаю?

Было дело. Однажды, он схватил меня за кисть, якобы желая помочь. И вот с тех пор ощущение потных пухлых ладошек, когда я его вижу, не проходит.

– Да, спасибо, но мне это неинтересно, – делаю попытку обойти препятствие.

– А я думаю...

– Юлия Сергеевна, здравствуйте! – перебивают Шлякова девчушки из 6А, за что я их в этот момент обожаю.

– Здравствуйте, – улыбаюсь в ответ.

– А у нас сегодня будет контрольная?

– Посмотрим, – отвечаю, не задумываясь.

– Вы мешаете разговору взрослых! – заложив руки за спину, задирает немного подбородок Константин Федорович.

Директор.

Нет, пан-директор, не меньше!

Однако, важный вид и сдвинутые к переносице брови совершенно не впечатляют учениц, и они, кивнув: «Простите!», уносятся дальше по коридору.

Я же пользуюсь удачным моментом и ушмыгиваю в противоположную сторону.

Вот же ложка дёгтя в бочке мёда.

Глава 2

Рабочий день пролетает по привычному сценарию. Быстро, интересно и временами весело, поскольку практически в любом классе обязательно найдется тот, кто пусть не специально, но здорово «отожжёт» и поднимет настроение.

Ну, это лично моё мнение.

Потому что каждый преподаватель относится к подрастающему поколению и их «закидонам» по-разному. Кто-то, как и я, переводит всё в шутку и гасит назревающие конфликты или недоразумения на подлёте. Кто-то делает вид, что не замечает ничего странного на уроке, а потом вдруг внезапно раздувает из искры недопонимания целое светопреставление и с удовольствием бежит жаловаться к директору. А есть такие, как была в моём детстве учительница истории, ломающая указки о головы нерадивых учеников или раздающая подзатыльники налево и направо, а после выставляющая по пять двоек за занятие, топя ученика.

Что ж, каждому, как говорят, своё.

Шестой урок, где мы с 9Б классом уверенно решаем задачу с неизвестными и готовимся строить прямоугольную систему координат, потихоньку переваливает на вторую половину. Я уже планирую дальнейшие свои действия до того, как наступит время забирать Полинку из сада. И именно в этот момент отворяется входная дверь, а на пороге, блестя лбом, появляется Константин Федорович.

Да что ж за невезуха.

Банный лист к ж... филейной части так не липнет, как этот мужчина ко мне.

А то, что он здесь по мою душу, а не пришёл с сообщением для ребят, крупными буквами читается в его довольных глазах.

– Здравствуйте, дети, – отрывает, наконец-то, от меня сальный взор Шляков и сосредотачивается на учениках.

– Здравствуйте, – поднимаются ребята из-за рабочих столов.

Да вот только Санька Павлов чуть задерживается. Явно из-за того, что дорисовывал в тетради оси координат, так как держит в руках линейку и карандаш.

– И как это понимать? – прищуривается тут же Константин Федорович, выловив взглядом не особо почтительного индивида. – Это что за распушенность? Вы, молодой человек, так меня не уважаете или Юлию Сергеевну?

Млин... млинский.

И тут Остапа понесло...

Мелькает за секунду в мыслях.

И, к сожалению, я оказываюсь права.

Вот же собака цепная. Главное, полаять и доказать свою исключительность и значимость, а то вдруг кормить перестанут. Такому и повод не особо нужен, чтобы докопаться.

– Я очень уважаю Юлию Сергеевну, – выдаёт Сашка, даря мне чистую, открытую улыбку, чем только больше раззадоривает напыжившегося Шлякова. Правда, тут же замечает быстро краснеющего директора и добавляет. – И Вас, конечно.

Поздно.

Вулкан начинает бурлить и вот-вот всех забрызгает.

– Константин Федорович, – беру огонь на себя, растягивая губы в неестественной улыбке, – у нас сложная тема, которую очень нужно закончить за...

Смотрю на наручные часы.

– Десять минут. Пожалуйста, позвольте нам продолжить. Тем более, ничего страшного не произошло. Александр, наоборот, очень ответственно подошел к поставленной задаче, выстраивая точки симметрии, и, не сомневаюсь, сможет повторить то же самое и на доске.

Подмигиваю пареньку, чуть заметно кивая и как бы спрашивая: «Сможешь?»

Уверенная ухмылка в ответ внушает оптимизм. И уже мы всем классом взираем на директора.

Большой капризный ребенок, не иначе.

– Что ж, – выдерживает солидную паузу «обиженка», – пожалуй, я поприсутствую и с удовольствием посмотрю на молодой талант.

– Тогда прошу проходить, – показываю рукой на последнюю парту в левом ряду.

Обидно, что распрощаться не вышло.

Но это бы было слишком просто, поскольку Шляков не умеет легко отступать. Канючит до последнего, пытаюсь продать.

Складываю руки на груди и, кивнув Павлову топтать к доске, опираюсь о край рабочего стола, чтобы наблюдать за ходом решения.

– Молодец, Саша, – выдаю минут через пять, когда мой ученик хорошо справляется с заданием и практически без ошибок вычерчивает на прямоугольной системе координат все варианты симметрии.

Оборачиваюсь к классу и цепляю краем глаза липкий прожигающий взгляд.

Брр-р...

Как неприятно.

Желание передернуть плечами, чтобы скинуть с себя ненужное внимание, так и зудит под кожей. Однако, сдерживаюсь и игнорирую довольно изучающего меня директора.

Лишь однажды наши глаза встречаются. Когда, задав классу новый вопрос, осматриваю всех учеников. И именно в этот момент Шлякову приходит мысль облизнуть свою нижнюю губу.

Черт!

Ну не идиот ли?

Еще бы ширинку поправил. Тоже мне, Донжуан в процессе покорения Лауры.

Как только звенит звонок, отпускаю ребят. Они же, не будь глупцами, ноги делают дружно и быстро.

Непростой нрав директора знают все. Поэтому если и есть те, кто умудряется попасть под «разбор полётов», так это пятые – шестые классы по незнанию. И то редко.

– Вы что-то хотели, Константин Федорович? – включаю дурочку, собирая после занятия материалы урока, когда мужчина не торопится испариться вслед за уходящими.

Конечно, хочет.

Понимаю через секунду.

Разве бы стал он просто так топтаться и пыхтеть рядом, пока я разыгрываю занятость, если бы не какой-то интерес?

Поднимаю голову, отрывая взгляд от стола, и устремляю его на директора.

– Юлия, – заложив руки за спину, немного качается вперед мужчина. – Я снова настаиваю на том, чтобы Вы заняли должность моего заместителя по воспитательной части. Ребята к Вам прекрасно относятся. Значит, проблем никаких с этой стороны не будет.

Ага! Зато будут с Вашей.

Добавляю про себя.

Нет уж, спасибо! Мне такого счастья, как постоянного напряжения в непосредственно близости рядом со Шляковым совершенно не нужно.

– Спасибо, Константин Федорович, но я боюсь не справиться с такой сложной задачей, – произношу вслух. – Да и опыта у меня маловато. Думаю, Алла Геннадьевна на этой должности будет весьма ценна и незаменима.

Судя по резко скривившемуся лицу директора, заместитель в виде дамы бальзаковского возраста с командирским голосом, зализанной «шишкой» на голове и постоянно поджатыми недовольно губами – не очень радует начальника.

– Или Ольга Павловна, – предлагаю, как второй вариант, учителя географии. Девушку лет тридцати, пухленькую и миленькую. А, главное, тайком и с придыханием поглядывающую на Шлякова.

Ага-ага.

Оказывается, такие «красавцы» тоже могут быть объектами страсти и мечты.

– Юленька, ну не делайте вид, что не понимаете моих намеков, – подступает ближе директор, угрожая подпереть меня к столу пузиком.

Вот же, танк.

Прёт без стеснения. И ведь уверен же, что ему позволено больше, чем обычным смертным.

– Юлия Сергеевна, во-первых, – напоминаю о субординации и отхожу резко в сторону.

Однако, мои нахмуренные брови и чуть прищуренные глаза на мужчину не производят никакого впечатления.

– А, во-вторых, я уже имела с Вами беседу на эту тему и чётко дала понять, что место преподавателя математики меня полностью устраивает.

– Уверены? – неприятно ухмыляется Шляков. – А если я помогу Вам передумать?

Мне же в этот момент до дрожи в руках хочется дать мерзавцу хорошую затрещину, чтобы поставить на место.

Вот тебе и миролюбивая я, никогда и никого не обижавшая.

Но тут, достал, право слово.

– Боюсь, у Вас не получится, – сжимаю кулачки, задирая подбородок, и смело стою на месте, когда он делает шаг вперед.

– Да что ж ты ломаешься-то всё, пигалица? Цену набиваешь? – фыркает самодовольно кретин и, больно дернув меня за предплечье, впивается в губы.

***

Вот тебе и пузан.

С виду рыхлый и неповоротливый мужичонка по факту оказывается намного сильнее меня. И сколько я не пытаюсь вырваться, у меня ничего не выходит.

Мерзавец не только до боли сжимает руку, но еще и в волосы вцепляется пиявкой, оттягивая голову назад. Сам же терзает мои губы, больно на них давя и стараясь просунуть свой противный язык между сжатых намертво зубов.

Придурок!

Идиот!

Фильмов что ли пересмотрел, где знойные мачо силой покоряют понравившихся дам, а те кривляются лишь для вида? Или книг перечитал про brutальных и властных героев?

И тут же возомнил себя одним из них?

Вот только, кажется, забыл, что у нас реальная жизнь, а не придуманная кем-то, и его хамский порыв – это прежде всего насилие, а не амурные знаки внимания.

Проскакивают в голове за секунду сумбурные мысли.

Я же усиленно перебираю всевозможные идеи, как отделаться от нахала, держащего меня в тисках, и продолжаю его отталкивать, упираясь ладошками в рыхлое тело.

Бесполезно. Он вообще не обращает внимания на попытки высвободиться.

В следующую минуту этот монстр отпускает мою руку, и не успеваю я обрадоваться, что получила хоть небольшую свободу, как он хватает меня за грудь.

Мерзко.

Противно.

Больно.

Всей душой ненавижу его в этот момент. И уже согласна не только обороняться, но и драться, как умею.

Пусть и не умею совсем.

Так, Юля! Соберись!

Командую мысленно.

И заставляю себя расслабиться и даже слегка разжимаю зубы, хотя тошнит от происходящего так сильно, что еле сдерживаюсь.

Шляков моментально пользуется изменившейся ситуацией и проталкивает язык ко мне в рот. Я же при этом резко сжимаю зубы, кусая его.

И как только он, почувствовав боль, рывком отстраняется, влепляю пощечину свободной рукой. Да так громко и от души, что ладошку обжигает огнём, а звонкий хлопок оглушает.

Получай, поганец!

А были бы брюки, а не юбка, ограничивающая возможность свободно действовать из-за длины ниже колен, еще бы и между ног зарядила.

Нисколько не жалко!

Однако и уже сделанного оказывается достаточно.

Директор отлетает от меня, как ужаленный, прикрывая рот потной ладошкой и сверкая бешеными глазами.

Я же прожигаю его в ответ брезгливым взглядом, стараясь вложить весь свой гнев и презрение, и демонстративно медленно вытираю рот тыльной стороной ладони.

Честное слово, желание сплюнуть мерзкий и неприятный привкус буквально затапливает. Останавливает только то, что мы находимся в учебном заведении. Я же, как-никак, педагог и пример детям для подражания.

А вот некоторым мерзавцам ничего не мешает вести себя по-свински. Ни чёткое и категоричное «Нет!», ни моральные принципы, ни нравственные устои, ни нахождение в храме знаний.

– Зря, ты так, Юленька, – чуть шепелявит директор, дотрагиваясь до рта и рассматривая что-то на руке. – Не хочешь по-хорошему... – делает паузу, – будет по-плохому.

А затем подленько усмехается, показывая окровавленные зубы, но больше ко мне не подходит.

Я же в этот момент, бросив взгляд за окно, где толпятся ученики и выходят учителя, четко понимаю: полезет вновь, и я буду кричать и звать на помощь.

Громко.

Нет, очень громко.

Неважно, что обо мне подумают после, как назовут и, может быть, даже обвинять в подстрекательстве и совращении «одуванчика». Главное, все узнают, какой наш директор мерзавец на самом деле.

– Уходите, – шиплю, прищурившись, и, сложив руки на груди, киваю в сторону двери.

На отвратительное лицо паразита даже смотреть противно. Одно радует, ярко-алый отпечаток во всю холёную мужскую щеку.

– Мы еще не закончили, – набычивается Шляков, вновь издевательски скользя взглядом по моей фигуре. И совершенно не скрывает своего интереса. Низменного и похабного.

– Закончили, – качаю головой, – если у Вас ко мне нет рабочих вопросов, требующих немедленного обсуждения.

– Не боишься с работы вылететь?

– За что?

– Да хоть за просто так, – выдаёт самодовольно Константин Федорович. – Ну?

– Ставите личные «хотелки» превыше потребностей школы в грамотном специалисте? – отвечаю вопросом на вопрос.

– А кто сказал, что ты грамотный специалист? Я что-то в этом уже сомневаюсь... – потирает с ухмылкой руки Шляков, заметив мое удивление.

Господи, вот же послал ты мне испытание в виде этого недоразумения, которое все величают директором школы и детского сада.

Противного, мелочного и злопамятного не по делу.

– Ваше право, – пожимаю плечами, скрывая нервную дрожь.

Что за напасть?

Отработала только два с половиной года, и, кажется, уже получила первую жалобу в отдел образования. Или что он решил? Организовать внеочередную аттестацию?

Единолично у него вряд ли получится меня уволить. Оснований недостаточно. Значит, или будет гнобить, или устроит подтасовку фактов.

А, судя по масляным глазам, последнее ближе всего к реальности.

– И дочка твоя в наш сад ходит, если не ошибаюсь. Кажется, она кого-то не так давно из детей обидела... – растягивает слова Шляков, – подралась. Ай-яй-яй, как нехорошо.

– Не вздумай моего ребенка трогать, – перехожу на «ты», поскольку этот ненормальный уже затрагивает святое. То, за что я сама его загрызу и не пожалею.

– Может, стоит её психологам показать? Нормальная ли? – зло лыбится придурок, не впечатленный моими словами.

Я же с силой сжимаю кулачки, удерживая себя от рукоприкладства. Потому что не покидает уверенность: этот идиот целенаправленно и грамотно меня провоцирует. Чтобы сорвалась и дала ему повод реально меня шантажировать в будущем или уволить по статье.

– Только посмейте... – начинаю фразу, но звонок мобильного отвлекает.

Ох, ты Боже мой!

Савин.

Вот же, кошмар.

Я совсем забыла, что Пал Палыч обещал заскочить ко мне домой к трём, чтобы передать гостинцы для отца. На завтра я планировала с Полиной поездку к родителям. Первую за два с половиной года.

Так сказать, сюрприз для малой и моих стариков на собственный день рождения. Поскольку еще ни разу я не появлялась в родном городе, покинув его после развода.

У нас сразу повелось, что в гости приезжает отец, один или с мамой. Правда, последняя бывала реже. К сожалению, в последние годы между нами не заладилось. Не зная всей правды о причинах распада молодой семьи, мама заняла сторону Ивана, явно ей что-то наплёвшего с три короба в своё оправдание. Я же не стала спорить и перетягивать одеяло на себя.

– Привет, Юленька, – слышу басовитый голос старинного друга отца, с которым они познакомились еще в военном училище и дружили до сих пор. – Тебя, кажись, дома нет? Или просто не открываешь старику?

– Добрый день, Пал Палыч. Прошу прощения. Задержалась на работе.

– И долго тебе еще там?

– Нет, – скашиваю глаза на нежелающего уматывать восояси директора и, кажется, старающегося подслушать чужой разговор. – Уже освободилась.

– Замечательно. Тогда я минут через пять – десять подъеду к крыльцу и отвезу тебя домой. Незачем лишний раз красивой молодой девушке тяжести таскать.

– Хорошо, постараюсь быть вовремя, – радостно рапортую в трубку.

Савин настолько замечательный мужчина, открытый и прямой, что улыбка сама собой расплзается по лицу.

– У Вас еще есть какие-то вопросы ко мне, Константин Федорович? – сбросив вызов, оборачиваюсь к Шлякову.

Разговор с Пал Палычем, как глоток живительной влаги, за пару минут придаёт мне энергии и добавляет уверенности в собственных силах. Подсказав, что я ни одна в этом мире. И не все такие гнилые и ущербные, как мой начальник.

– Вопрос с назначением на должность моего заместителя я всё ещё оставляю открытым и жду от тебя положительно ответа в понедельник, – фыркает упёртый баран, двигая челюстью.

– От Вас, – поправляю я его. – Будьте любезны соблюдать субординацию и впредь мне не тыкать.

Подхватываю журнал 9Б класса, свою сумочку и ключи и, обогнув по дуге директора, распахиваю дверь, приглашая жестом освободить помещение. Помявшись несколько томительных секунд, Шляков всё-таки уходит, даря на прощание сальный взгляд-обещание.

В учительской быстренько убираю всё на свои места и, надев зимнюю одежду и обувь, устремляюсь в коридор.

Вот же гнилой человек! Решил мне день рождения испортить?

Не выйдет.

Бурчу про себя, ещё раз проматывая в голове случившийся в математическом классе неприятный эпизод, и направляюсь к входным дверям школы.

Внезапное столкновение плечами с Чернаковой заставляет очнуться и вернуться в реальность.

– Простите, Ольга Павловна. Я Вас не заметила, – с улыбкой беру по привычке всю вину на себя, чтобы не затягивать разбирательство. Хотя совершенно не помню, как она оказалась на моём пути. Только что тут совершенно никого не было.

– Аккуратнее нужно быть, а не глазами по сторонам стрелять, – резко обрывает мой позитивный настрой учительница географии, рассматривая меня чуть прищуренными глазами.

Ух-ты, какие мы злые и важные!

– Учту, – киваю, показывая, что услышала замечание.

Сама же удивляюсь, куда подевалась милая и задорная хохотушка? И что за надутый хомяк вселился в эту особу.

– Вертихвостка! – летит мне тем временем в спину, от чего я даже спотыкаюсь.

Здра-асти – приехали!

Да что за день-то такой?

Глава 3

– Ну, что, солнышко, готова к путешествию? – уточняю у дочурки перед посадкой на междугородний автобус.

Поля на этом виде транспорта каталась только ради интереса и познания всего пару раз в прошлом году. Я оплачивала поездку в один конец поселка из другого, а потом в обратную сторону. Вот так и развлекались.

А что делать, если я водительских прав не имею, да и за руль садиться боюсь? А наш дедуля живёт далеко и на «машинке» повозить может редко.

– Готова, мамочка, – сияет улыбкой моё чудо.

Гляжу на нее и люблюсь.

Маленькая кнопка, но уже очень самостоятельная и деловая. А ещё миленькая и симпатиченькая. Просто куколка! Особенно в небесно-голубом пуховике ниже коленочек, белых дутых сапожках, варежках и белоснежной пушистой шапочке на манер капора с меховой опушкой по краю.

– В рюкзак всё положила? Ничего не забыла из подарков и «сюрпризов»? – уточняю в сотый раз.

Очень уж мне нравится деловой подход Полины к важным делам. Её организованность, вдумчивость и сообразительность.

Даже про таблетки от тошноты вспомнила именно дочка, а вот я, растяпа, забыла бы непременно.

– Точно, всё. Я два раза проверяла.

– Вот и отлично, – подмигиваю своей умнице, и мы, взявшись за руки, подходим к другим пассажирам, выстроившимся в нечеткую очередь на посадку перед открытыми дверями нашего автобуса.

Показав билеты и заняв положенные места, где мне достаётся то, что ближе к проходу, а Поле у окна, снимаем варежки и головные уборы и довольно выдыхаем.

– Приключение уже начинается? – попрыгав на сидении и оценив его мягкость и удобство, уточняет малышка.

– Точно, – киваю в ответ.

Ну не говорить же ей, что мои приключения начались уже вчера на работе благодаря директору и его «тараканам». О чём напоминают гематомы на предплечье, отдающие легкой болью, если дотронуться.

– А нам долго кататься, ма?

– Почти четыре часа, котёнок.

– Ого, значит, дневного сна, как в садике, не будет? Красотища-а-а, – заявляет бодро моё чудо, потирая ладошки.

И уже минут через сорок засыпает, подложив одну из них под щеку.

Я же, устремив взгляд в окно на пробегающие вдоль дороги деревья, украшенные белоснежными шапками, проваливаюсь во вчерашние события, анализируя свои и чужие поступки. Совершенно уверена, что вела себя правильно и даже смело, учитывая какая я, в принципе, трусиха и бояка. А поганец Шляков несомненно распоясался, распуская руки и пытаясь прогнуть меня, используя для этого должностное положение.

Не сомневаюсь, что этот кретин теперь не отстанет просто так и в понедельник обязательно продолжит свои нападки и подставы. Ах, да, еще непременно выест мозг, пока не выяснит, по какому поводу к школе приезжала полицейская машина, куда я села, покидая в пятницу школу.

А в том, что меня видели, а точнее прожигали спину недобрым взглядом, не колеблюсь ни секунды. Настолько он был осязаемым и давящим, что заставил невольно обернуться. Поэтому и заметила, как шевельнулись жалюзи в директорском окне, а в соседнем, относящемся к учительской, с гордым видом стояла Ольга Павловна Чернакова, совершенно не стесняясь и разглядывая меня во все глаза.

Вот же любопытные Варвары.

Хотя, чему удивляться?

В относительно маленьком поселке, где все друг друга знают если не официально, то номинально обязательно, любое незначительное событие – как горячая новость с передовицы. К этому просто стоит привыкнуть, особенно человеку, выросшему в пусть и небольшом, но всё же городке, где до тебя другим нет никакого дела.

Хмыкаю и качаю головой, в очередной раз удивляясь, как всё-таки кардинально поменялась моя жизнь в довольно короткие сроки.

А потом сама не замечаю, как засыпаю.

***

– Дедуля! А это мы приехали! – с порога, пританцовывая, громко оповещает Полина, как только папа открывает дверь.

Кнопка успела за время в пути хорошенько выспаться, а проснувшись, слопать пачку крекеров с сыром, наблюдая за мелькающими за окном автобуса «интересненькими» домами и деревьями, разукрашенными Дедом Морозом. И, к счастью, отлично перенесла всю дорогу. Её нисколько не укачало и не утомило, о чём я тайком переживала.

По выходу из транспорта она так фонтанировала энергией, что совершенно спокойно восприняла двадцатиминутный поход с сумками от автовокзала до дома родителей. Кажется, даже его не заметив, потому что крутила головой налево и направо, задавая тысячу вопросов и еще как минимум сотню вдогонку.

Я думала, устанет и выдохнется.

Да ну как же!

Наивная я дама. Однозначно, ошиблась.

Вот и сейчас принцесска прыгает, как мячик, сверкая хитренькими глазками, и смотрит на деда с обожанием, присущим только маленьким детям:

– Хороший сюрприз? Удивили? Скажи! Только честно!

– Очень-очень удивили, – подтверждает тот, расплываясь в улыбке и подхватывая на руки хохотушку.

Отец во внучке души не чает, холит и балует во всю. И приезжать к нам старается почаще, и времени не жалеет, умудряясь с ней играть даже в куклы и «парикмахерскую». Хотя, казалось бы, разве может быть это интересно бывшему офицеру? Серьезному и очень сдержанному в эмоциях мужчине?

Оказывается, может.

А вот со мной в своё время он таким не был. И уж потому ли, что служба съедала львиную долю времени, оставляя для семьи ничтожные крупички, или выражение «внуки дороже детей» тут нашло своё яркое отражение, я не знаю.

Да и не горю желанием ворошить прошлое. Зачем?

Главное, что наш дедуля – самый замечательный и лучший на свете. Тот, кто является для Полины идеалом и заменяет ей всех мужчин.

Нет, про папу Ивана с дочкой мы тоже разговаривали не так давно, когда этот вопрос проскочил в нашей беседе. Огород городить я не стала. Как и отправлять бывшего супруга в космос, плавание или командировку на Северный полюс. Просто ограничилась объяснением, что он есть, живой и здоровый, только пока не может приехать, так как сильно занят.

А уж занят ли он, зарабатывая деньги или спуская их по-прежнему в игры и на ставки, уже не моё дело. Пусть сиё остаётся на его совести. Мне неинтересно, поэтому и у родителей про него ни разу не уточняла.

А вот мама, наоборот, при каждой встрече старается на эту тему поговорить и непременно настоять на своём: чтобы «запутавшаяся дочь» одумалась и «потрудилась заняться восстановлением сожжённых мостов».

Да, Вера Васильевна оказалась идейной приверженкой теории: «Ребенку нужен отец! Не важно какой! Любой!»

Поэтому всеми силами продавливала мысль, что я должна сама «вернуться к супругу и покаяться, прося прощение за свою слабость, поскольку сбежала от ответственности, как только в семье наступили сложные времена».

Вот так, и никак иначе.

Блин, уж не знаю, что там Ракитин плёл, но исполнял он это столь грамотно и виртуозно, что временами напоминал шарлатанов, гипнотизирующих людей и заставляющих их отдавать последние крохи, отложенные на «черный» день. Потому как мама уже третий год не слезала со своего любимого конька с моим возвращением.

И, главное, зачем?

Зачем он это делал?

Зачем промывал неустанно мозг и наускивал по сути бывшую тещу, если в любой момент сам легко мог приехать и поговорить, если уж так этого желал?

Нет.

Ни разу не был за два года.

Даже «так горячо любимую и отнятую у него дочь» за всё время не навестил. Ни в последний месяц нашего пребывания в родном городе, ни после, когда перебрались в Лесное.

И говорить о том, что его жена и дочь исчезли в неизвестном направлении, право слово, смешно. Поскольку ни секунды не сомневаюсь: мамуля сдала все явки и пароли, а именно мой и Полинин новый адрес, в тот же день, как о нём узнала сама.

Ну, выбрала она его сторону, а не мою... Что ж, обидно.

Но ничего не поделаешь. Она – мой родной человек, а значит, нужно быть терпимее.

А вот Ракитина и дальше по возможности стоит обходить стороной, потому что его неутраченный интерес начинает нервировать.

– Коля, кто там? – слышится голос мамы со стороны кухни, а потом появляется и она сама, выдергивая меня из навеянных родными стенами воспоминаний. – Батюшки! Поля! Юля! Вот так подарок вы нам сделали!

– Бабуля, твоя сладкая конфетка приехала, – выдаёт дочка, сияя ямочками на щеках. И, прыгнув с дедовых рук, устремляется обниматься уже к ней.

– Это отличная новость, моя золотая! Давайте-ка, девчонки, быстренько раздевайтесь, а то совсем употеете.

– Я сама, – тут же заявляет моё чудо, демонстрируя самостоятельность.

От чего получает заслуженные похвалы от любимых родственников.

– Умница. Всё сложила, а не разбросала, – комментирует свои наблюдения бабушка. – Совсем взрослой стала.

– Это потому что я в садике кашу утром кушаю каждый день, – с важным видом выдаёт «взрослая мадам», чуть вздергивая носик, и сразу смеясь добавляет. – А вот Олежка кашу не ест, так мелкий и тощий, что его ветром унести может. Он поэтому с Анной Ивановной всегда за ручку ходит.

– Да, непорядок, – подыгрывает дед и, подмигнув, показывает внучке на свой кабинет. – Пойдем-ка на важное дело. Будем твой рост отмечать прямо на стене, чтобы на память осталось.

– Правда? – распахивает широко глазёнки дочь, моментально соглашаясь, но сразу уточняет. – А бабуля нас не заругает?

– А мы ей не скажем, – слышится уже еле слышно, так как говорится шепотом.

– Пойдем на кухню, чайку пока попьем, – кивает мама в сторону её любимого места в доме, внимательно меня рассматривая. – Ох, Юлька, уже двадцать семь, а ты у меня, как девочка. Только краше с каждым годом становишься.

– Ой, скажешь тоже, мамуль, – улыбаюсь искренне, ощущая, как соскучилась по ней за прошедшее время.

Ну да, не зря говорят: «Маленькая собачка – до смерти щенок». Вот и я мелкая, всего метр шестьдесят один. Пусть и не тощая, но худенькая. Однако, попа есть, а вот верхние девяносто, совсем не девяносто, а только восемьдесят пять.

– Как в школе дела? Устраивает? – задаёт вопросы мама, начиная по привычке с нейтральных тем.

– Всё хорошо, мне очень нравится.

– Ученики не обижают?

– Нет, конечно. У нас с ними мирное соглашение подписано, – шучу, забираясь в кресло, которое обожала еще с детства.

– А директор и коллеги? Нормальный коллектив?

– Э-э-э, неплохой, – киваю, слегка удивляясь, как чётко вопрос накладывается на неприятную ситуацию со Шляковым.

Глупое совпадение...

Качаю головой.

Где живу я, а где мама.

Да и что бы она могла сделать?

Попросить директора ко мне приставать?

Бред!

Одергиваю саму себя.

– Мужчину ещё не нашла в новом месте? – переключается на другое мамуля, расставив чашки с горячим напитком и присев напротив.

– Нет, и в мыслях не было, – хмурюсь, ожидая перехода к излюбленной теме.

И оказываюсь права.

– Юлька, а может вернёшься? Ну что ты там одна маешься? Без родных. Да и Полине отец нужен.

Эх, всё по-прежнему...

Зря надеялась избежать неприятного разговора.

– Нет, мамочка, Лесное – прекрасный поселок. Мне очень нравится в нём жить. И Полине тоже, – улыбаюсь солнышку, входящему за руку с дедом в кухню. – Правильно?

– Да, у меня даже жених уже есть, – тут же включается в разговор дочка и красочно повествует о выгодном ухажере с машинками.

Я же, вспомнив про гостинцы от Пал Палыча, убегаю в прихожую.

Так, Юлэк!

Вера Васильевна у нас женщина непробиваемая и упёртая. Значит, просто не принимаем её критику близко к сердцу.

Даю себе мысленную установку и, подхватив баул с подарками, отправляюсь назад.

Глава 4

– Юля, что это? – прищуривается отец, разглядывая гематому у меня на плече.

Я только-только вышла из душа, надев лишь футболку с коротким рукавом и спортивные штаны, пока мама с Полиной отправились прогуляться до магазина за тортом и мороженым. Да, моя дочка, хитрая лисичка, уболтала дедушку с бабушкой отметить мамочкин день рождения еще раз и всем вместе. Так сказать, среди самых близких и родных.

Перевожу взгляд на руку, хотя и так знаю, что там обнаружу. Отпечатки пальцев Шлякова. Четыре ярко-малиновых пятна. Правда, если локоть приподнять, то и пятое также будет отлично заметно.

– Кто? – не дождавшись ответа на первый, в принципе, риторический вопрос, папа тут же переходит к следующему.

Да, пусть он и ушёл на пенсию, но характер-то сохранил, как командирский тон и хватку следователя. Поэтому, как говорится, сопротивление бесполезно и лучше сразу сознаться во всём. Так и время сэкономится и папины нервы целее будут.

Вижу же, как уже переживает: губы чуть поджал, глаза маленько прищурил, кулак правой руки напряг.

– Шляков Константин Федорович.

– Директор, значит, – кивает скорее себе, чем мне, устремляя взгляд в сторону.

Его памяти на фамилии, да и другую важную информацию уже давно не удивляюсь. Знаю, что профессиональное. Он и номера мало чьи в телефон записывает. Причём, скорее малознакомых людей, чем близких и друзей. Нужные все в памяти держит.

– Давно он тобой озаботился? – прилетает следующий вопрос.

– Да нет, – отвечаю любимым русским сочетанием противоположных по значению слов.

– Неделю. Или чуть дольше.

– И чего хочет?

– Ну, чего хочет? – пожимаю плечами, складывая руки на груди. – Заместителем меня назначить по воспитательной части.

Фыркаю непроизвольно.

Настолько это со стороны кажется бредовым.

– И?

– И получить благодарность, – киваю, когда папа приподнимает бровь.

О том, что именно подразумевается в моих словах, не произносим, потому как и без этого друг друга понимаем отлично.

– А это впервые? – кивает на гематому. – Или уже было подобное?

– Нет, впервые. В пятницу после уроков Шляков решил быть более настойчивым в угрозах, – хмурюсь, вспоминая неприятный инцидент.

– Отпор дала, – уверенно произносит отец, наблюдая за моей мимикой. – Не испугалась?

– Испугалась, – признаюсь честно.

– Умница, дочка, – легонько хлопает по плечу, подбадривая.

Я же краснею от похвалы, как школьница.

Уж папка как никто знает, что я еще та трусиха и бояка.

Даже в педагогический пошла только из-за того, что с детьми мне легче и как-то спокойнее общаться и находить общий язык, чем со взрослыми, порой неадекватными личностями, буквально жаждущими или спустить пар за счет других, или самоутвердиться.

И вот чего Шляков ко мне полез?

Задаюсь в очередной раз мучающим меня вопросом.

Учителей в школе достаточно. И работают они побольше моего, и опыт педагогический не в пример солиднее. Да и энергией пышут так, что глаза горят лишь бы творить, внедрять, вдохновлять и наставлять юное поколение.

Да и свободных молодых дам, если уж ему приспичило «лямур» на рабочем месте крутить, не одна, и не две. Даже наблюдаются такие, кто и счастлив был бы, подмигни он им. Вот та же Чернакова, к примеру.

И не скажу, что я прямо писанная красавица, глаз не отвести.

Симпатичная, да. Не спорю.

Большеглазая брюнетка, со смуглой бархатной кожей.

Ну, а если подробнее, то глаза каре-зеленые, брови и ресницы черные сами по себе, так как тушью пользуюсь очень редко, нос и рот вполне обычные. Зато волосы, однозначно, шикарные: густые, длинные и немного выующиеся. Я их еще ни разу не красила, только хной бесцветной укрепляла. Поэтому они естественного пепельно-коричневого цвета.

Вот и выходит, что ничего выдающегося во мне нет, а Константина Федоровича «накрыло», как капризного ребёнка: «Хочу эту и никого другого!».

– Давай, я сегодня с вами поеду, а завтра с утра с этим директором переговорю по-мужски? – предлагает отец, выдергивая меня из задумчивости в реальность.

– Не, пап, – качаю головой и, подмигнув, улыбаюсь. – Пора самой учиться держать удар.

Если разобраться, я не столько боюсь Шлякова и его приставаний, сколько меня нервируют предстоящие непереносимые пересуды, разборки и шепотки за спиной не только со стороны коллег по работе, но и немногочисленных знакомых.

Уверена, только ленивый не будет обсуждать ситуацию, особенно, в которой замешан сам директор одной из школ посёлка.

– Смотри, если что... – начинает отец, хмуря брови, но я его перебиваю, так как слышу поворот ключа в замке.

Полиночка с бабушкой возвращаются. Значит, пора закруглять разговор.

Маме знать о том, что у меня какие-то проблемы на работе, не обязательно. Не за чем давать очередной повод завести любимую тему с возвращением и покаянием.

– Хорошо, пап. Если что, я сразу тебе позвоню, – чмокаю родителя в шершавую щеку и сбегая в свою бывшую комнату, надевать толстовку с длинными рукавами.

***

– Мамочка, а ты знаешь, где мы с бабулей были? – сняв сапоги и шапку, подбегает Полина делиться важными новостями.

Краснощекая с мороза, с горящими от восторга зелеными глазками, довольной улыбкой на губах и задорными ямочками. Она вызывает непреодолимое желание её затискать и зацеловать. Потому не сдерживаюсь и, обняв, звонко чмокаю в левую и в правую холодную щёчку.

Солнышко моё любимое. Самая лучшая девочка на свете.

– Нет, котёнок, еще не знаю, – улыбаюсь в ответ, помогая снять влажные варежки и расстегнуть пуховик.

– На горке! Представляешь?

– Да ты что? Здорово! Понравилось?

– О-о-очень! Она большая-пребольшая. Как три наших в детском саду, – разводит руками, показывая размеры. – Я десять раз прокатилась.

– Целых десять? – приподнимаю удивленно брови, так как цифры Поля еще только начала учить и потому нередко допускает ошибки.

– Ага, бабуля помогала считать, – кивает важно моя радость.

– Замерзнуть не успела?

– Не-а. Я же бегала. А Егорка мне свою ледянку давал.

– Ого, с кем-то познакомилась?

– Да. Егор Иванов. Шесть лет. Ходит в садик. И у него дома есть кошка Машка.

– Чувствуется дедова порода, – смеюсь, качая головой, выслушав доклад.

И переглядываюсь с отцом, довольно подпирающим плечом косяк.

Во уж, ни дать, ни взять. Умением задавать правильные вопросы и запоминать информацию моя дочка вся в него пошла.

– А мороженое и торт купили? – напоминаю про сладости, за которыми собственно две дамы нашего семейства и отправлялись изначально.

Потому что ни у одной, ни у второй в руках никаких сумок и пакетов не наблюдается.

Сама же иду развешивать все влажные после прогулки вещи на батарее. Потому что, если варежки еще можно заменить или снять в автобусе, то вторых теплых штанов я не захватила. А сидеть в сырых четыре часа к ряду – это гарантированное заболевание.

Ладно, нестрашно. Всё успеем. Отопление в доме родителей работает замечательно. Да и время еще позволяет, автобус только в пять часов вечера будет.

– Ой, – слышу за спиной.

Оборачиваюсь и наблюдаю, как Полина округляет глазки и делает такое печально-умо-
рительное личико, что еле сдерживаюсь, чтобы не рассмеяться.

– Мы забыли...

– Про что, милая? – тут же реагирует дед.

– Про покупки, – разводит руки в стороны солнце, поглядывая на бабушку.

– Ого! – удивляюсь от души.

Чтобы моя сладкоежка и про лакомство не вспомнила?

Нонсенс.

– Так вы после горки сразу назад домой пошли, забыв про магазин? – уточняю у своей красавицы.

– Нет же! Мы еще в кафе заходили и там чай пили... с пирожным.

– В кафе? – поражаюсь еще больше, так как мама у меня не приверженец перекусывать в общественных местах.

Как человек старой закалки, она считает, что полезна только домашняя, натуральная еда. А не та, что приготовлена неизвестно кем и непонятно из каких продуктов.

– Да, нас угостили. Скажи, бабуль?

– Верно, внученька.

– И кто? – уточняю у обеих дам, юной и в возрасте, когда они перемигиваются.

– Па...

– Подруга моя. Марина Федоровна. Ты такую не знаешь, – взмахивает рукой мама, отвечая вперед Полины.

И тут же перехватывает её за руку, утягивая за собой.

– Пойдём-ка, красавица, ручки мыть. Мы были на улице и нахватили разных микробов. Надо их прогнать.

– А тортик как же? – слышу приглушенный голос малышки, когда наши гулёны уходят.

– Пойду в магазин, – хмыкает отец, качая головой. – Не дело это: внучку расстраивать. Обещали сладости, надо выполнять.

– Подожди, пап. Я сама схожу. Заодно и чего-нибудь в дорогу присмотрю, чтобы похрустеть, если проголодаемся.

– Уверена? Ты же только после душа.

– Да, не переживай. Лучше с Полиной поиграй, чтобы она устала и всю обратную дорогу спала.

– Договорились, – подмигивает отец.

***

Спустившись вниз и посмотрев налево и направо, решаю немного прогуляться вдоль по улице и зайти в гипермаркет, где выбор товаров, а значит, и тортов будет побольше, чем в «Магните у дома».

Что ж, моя задумка оказывается верна и глаза буквально разбегаются, когда я решаю, на каком из чудо-десертов остановиться.

Моя сладкоежка не приверженка какого-то особого кулинарного шедевра. Она с удовольствием лопаёт и медовик, и шоколадницу, и йогуртовый с фруктами.

В этот раз решаю остановиться на орехово-шоколадном небольшом торте с вишней и взбитыми сливками, уже поделенном на кусочки и очень красиво оформленном фигурными завитушками.

– Юлька? Красавина? – слышу за спиной знакомый голос, а обернувшись, замечаю свою одноклассницу и одногруппницу по педагогическому колледжу Наташку Смирнову.

– Привет, Татка! – отзеркаливаю теплую, искреннюю улыбку.

– Привет, дорогая! – тут же обнимает она меня. – Сто лет не виделись. А мне сказали, что ты уехала.

– Правильно сказали, – отклоняюсь и рассматриваю старую школьную подружку.

Холёную и ухоженную, с идеальной причёской и макияжем, в белой норковой шубке до середины бедра и бежевых ботфортах на убийственной шпильке.

– Красавица, – киваю уверенно, вернувшись к лицу. – Как в школе парням головы кружила, так и теперь продолжаешь.

Комментирую, заметив, как проходящий мимо мужчина буквально пожирает Смирнову голодными глазами.

– Пускай смотрят, не жалко. Что ж им ещё остаётся, – хмыкает Наталья, показывая правую руку, где сияет обручальное колечко. – Я теперь дама занятая, так что больше им всё равно ничего не обломится.

– Вау! Поздравляю! – обнимаю её ещё раз, поглаживая по спине. – Значит, теперь не Смирнова?

– Верно, Осипова.

– Давно?

– Полгода. Ладно, обо мне потом. Лучше скажи, ты где? Как? Куда вы с Ракитиным переехали? – заваливает она кучей вопросов.

– Я одна уехала, Татка. Точнее, с дочерью. Полинкой, – улыбаюсь, пожимая плечами.

– Ого! Развелась, что ли?

– Ну, да.

– Давно?

– Скоро три года будет.

– А дочке сколько?

– Почти пять.

– Обалдеть, Юлька, как чужие детки быстро растут, – качает она головой.

Я же просто радуюсь, увидев старую добрую знакомую.

– Милая, ты где потерялась? – подходит к Осиповой мужчина основательных таких габаритов и обнимает её сзади, целуя в щеку. – Я уже стал волноваться.

М-да, если за Натальей в школе и техникуме бегали ухажеры разномастные. И толстые, и тонкие, и низкие, и высокие. То она всегда отдавала предпочтение только большим и высоким, напоминающим русских богатырей. Или, как теперь говорят, шкаф с антресолями.

Вот и этот оказался тоже из «той оперы».

– Подружку-одноклассницу встретила. Заболтались. Кстати, знакомьтесь. Мой муж Михаил Осипов, а это Юля Красавина. Мы вместе отучились одиннадцать лет в школе и после ещё три года в колледже, – рапортует, взяв мужчину под руку, моя старая знакомая.

– Приятно, – пожимает мне ладошку Михаил весьма аккуратно, перестав, наконец-то, хмуриться.

Ну да, с моим 161 сантиметром почти двухметровый дядя в высоту и метровый в ширину – это реально, как Слон и Моська. А вот с Таткой они смотрятся очень ладно и гармонично.

Я бы добавила – шикарно.

– Взаимно, – обозначаю улыбку и киваю.

– Так, девчонки, давайте недолго, иначе мы опоздаем. И вообще, через неделю же увидите, успеете наговориться. Или ошибаюсь, Натусь?

– Нет, Мишань, ты – золото! – чмокает мужа в щеку Осипова. – Спасибо, что напомнил.

Перевожу взгляд с одного на вторую, не совсем понимая, о чём речь. Но меня быстро просвещают.

– Десять лет со дня окончания школы. Юлька, ты чего? Совсем забыла?

– Ну, да, – пожимаю плечами.

Я этими вопросами давненько не интересовалась, да и не считала прошедшие годы. Всё не до них было как-то. Других забот всегда хватало.

– Так, давай свой номер телефона, позвоню на неделе и обо всём точно договоримся. А-то мы и правда, опоздаем. А нам еще за город ехать на юбилей родственника.

– А о чём договариваться-то будем, Татка? – спрашиваю, когда пара Осиповых уже разворачивается уходить.

– О встрече выпускников, естественно. Практически все уже согласились. Только тебя и Лёньки Булкина найти не могли, – оттарабанивает подруга и, чмокнув в щеку, исчезает за стеллажами вместе со своим благоверным.

Я же прокручиваю в голове её последние слова.

Будут все...

Все.

Все?

И Он тоже?

Глава 5

Бабушка Валя, пока была жива, всегда мне твердила: «Смотри, Юлька, внимательнее по сторонам. Счастье, оно хитрое, часто рядом ходит. Ты его можешь и не заметить поначалу, проморгать по незнанию. Или нос задрать, выискивая где-то вдалеке. А оно, раз, и совсем близко. Да так, что сам диву даёшься, когда поймешь, о ком речь шла. И самое страшное во всём этом, упустить его, не доверяя собственному сердцу».

Эх, бабуля, как же ты, милая, была права.

И как я слепа. Слепа слишком долго.

И что смешно и грустно одновременно, поучала ты, думая о своей жизни, а оказалось, что и мою твоё знание крылом задело.

Зато теперь только и остаётся, что вспоминать тебя с теплотой и нежностью и удивляться житейской мудрости.

Жаль, с опозданием.

Потому как именно сердцу я однажды и не поверила, когда стоило бы это сделать. Рискнуть. Довериться. А не отступать, позволив страху и сомнениям диктовать свои условия.

Что уж говорить?

Тогда я была совсем молодой и глупой. Только-только познававшей мир девчонкой, потихоньку выбирающейся из своей личной домашней раковины, где проводила всё свободное время.

Да-да-да.

Я всегда являлась и до сих пор остаюсь жуткой домоседкой. Любящей вместо клубов, баров и дискотек домашний уют, мягкий диван, плед и интересную книжку под боком.

Нет, в юности я не была изгоем или одиночкой. С удовольствием общалась с подругами, приходящими в гости поболтать обо всем. Но вот дальше подъезда, где мы могли часами сплетничать, смеяться и играть в карты, не рвалась.

Бродить по городу, щелкать семечки и тратить время, топая по одним и тем же улицам ежедневно? Нет, это не ко мне. Скучно, однообразно, надоедливо.

А вот почитать истории о приключениях, о прекрасных принцессах и драконах, эльфах и демонах, спасающих миры, романы о любви обычных девушек и серьезных мужчин... Да, с удовольствием! Хоть до утра.

Глупая ли я была или такая вот странная. Но и в семнадцать, и даже в восемнадцать, когда подруги во всю гуляли с парнями, а некоторые еще и умудрялись выскочить замуж, я только улыбалась.

И шла домой. Читать.

Мальчики мне были неинтересны. Совсем.

Только в девятнадцать девчонки умудрились всё же затянуть меня в клуб...

И именно тогда произошла наша первая странная встреча с Ним. Так сказать, в неформальной обстановке.

Почему странная?

Потому что я впервые взглянула на этого человека, как на парня. На мужчину, а не бесполое существо, каким всегда представляла на протяжении тринадцати лет.

Взглянула и утонула в глазах. Карих, выразительных и очень теплых. И ужасно испугалась собственных чувств и эмоций.

А после сбежала, делая вид, что ничего не произошло, и выстроила вокруг себя крепость.

Ровно год Он усердно меня осаждал, пробивая броню снова и снова. И я не устояла, дала шанс... Один единственный.

Вот только судьба распорядилась иначе. Глупая случайность, нелепость. Но я в неё поверила, как в знак свыше, и включила заднюю скорость.

Была ли я тогда глупой?

Да.

Трусихой?

Естественно.

Страусом, прячущим голову в песок?

Однозначно.

Жалела ли я о своем поступке?

Конечно. Много раз. Хотя и не с самого начала. А лишь когда поняла, что потеряла Его окончательно.

Когда узнала, что Он ушел. Исчез насовсем. Собрал вещи и уехал в неизвестность, прихватив заодно и моё сердце.

Жалею ли я сейчас?

Ту, двадцатилетнюю девочку – да. Теперешнюю себя, однозначно, нет.

Потому что всё равно верю: что не делается, всё к лучшему!

А разве я могу думать по-другому, глядя на своё сокровище, сладко сопящее в кресле автобуса, везущего нас домой?

Нет.

Значит, не судьба.

***

– Мама, а нам долго еще ехать? – вытряхивает из размышлений Полина, потирая сонные глазки и выглядывая в окно, где кроме обочины, освещаемой боковыми габаритами автобуса, ничего не видно.

Зимой вечереет рано, а мы и так уезжали в половине шестого, когда наступали сумерки. Сейчас же почти девять, потому не удивительно, что такая темень кругом, еще и лесополосу пересекаем.

Включаю экран телефона, достав его из кармана пуховика, и отмечаю, что осталось чуть меньше часа до прибытия, о чем и сообщаю малышке.

– Хочешь воды? – киваю на бутылку, лежащую в заднем кармане впереди стоящего кресла. – Или крекеры?

– Нет, – заворачивается снова в курточку, пряча ладошки в рукавах и с неудовольствием смотрит на ремень крепления. – А можно его снять? Он мешает.

– Нет, родная, правилами безопасности положено быть пристегнутым. Потерпи немного, скоро приедем.

– Ла-адно, – надувает слегка губы моё чудо и устраивается поудобнее, поворачиваясь боком, – тогда я еще поплю чуть-чуть.

– Вот и правильно, – киваю с улыбкой.

– Разбуди меня, как в поселок въедем. Я хочу посмотреть по сторонам.

– Договорились, – поправляю упавшую на глаза дочери выбившуюся из хвостика прядь и тихонько глажу по голове.

И двух минут не проходит, как малышка засыпает, чуть приоткрыв ротик.

Да и неудивительно. В салоне достаточно натоплено, верхнее яркое освещение давно отключено. Точечно горят только тусклые неоновые лампочки, создавая голубой полумрак. Двигатель автобуса работает мерно, урча, как большой кот, да и укачивает по усыпанной снегом дороге, как в колыбели. Вот и меня саму время от времени клонит в сон.

Пока размышляю, не составить ли всё-таки компанию дочери и таким образом «сократить» время в пути, неудачно поворачиваюсь. И телефон, оставшийся на коленях, про который я совершенно забыла, соскальзывает куда-то на пол под переднее сидение.

– Зараза, – шиплю тихонько, поскольку сидящие с другой стороны пассажиры тоже дремлют, как Полинка.

Да и вообще складывается ощущение, что спит весь автобус. Только где-то в конце салона раздаются шорохи, редкие смазанные слова и приглушенный смех. Явно, молодежь на галёрке веселится, не желая, как большинство, отдаваться в объятия Морфея.

Отстегиваю свой ремень безопасности и наклонюсь вперед, шаря наощупь и стараясь достать «сбежавший» гаджет. Слава Богу, получается практически с первой попытки. Улетел он недалеко.

Целое, без сколов и трещин стекло экрана невероятно радует, поскольку покупку нового средства связи включать в список предстоящих расходов совершенно не хочется. И так трат предостаточно, учитывая, что живём мы на мою зарплату, а Ракитин на Полину алименты не платит.

Да, я сама приняла такое решение и нисколько об этом не жалею.

Иметь дело с жадиной и крохобором, каким показал себя бывший муж, когда при разводе мы затронули вопрос о разделе совместно нажитого в браке имущества, и переживать лишний раз, что он заставит письменно отчитываться за каждую переведенную им «копейку», желания не возникало ни в прошлом, ни сейчас.

Нервные клетки не восстанавливаются, вот и не стоит тратить их понапрасну на недостойного человека и пустые склоки.

Что порадовало, отец в этом вопросе меня полностью поддержал, уверяя: и «без сопливых» проживём. Даже деньги старался в первые месяцы подсунуть или кинуть на карту, пока не пригрозила, что поругаемся, если не прекратит.

Перестал. Зато с тех пор начал действовать по-другому. В обход или через внучку. Покупая то игрушки для Полины, то вещи взамен тех, что стали ей малы, то утварь в дом, не считая гостинцев по случаю приезда.

Да, и возвращаясь к бывшему мужу, договорились мы с благоверным заранее и полюбовно: я от него ничего не требую в материальном плане, а взамен его финансовые проблемы больше нас не коснутся. Никогда.

Удивительно, но и тут мой батя успел подстраховать. Уж не знаю, как и о чём он говорил с Ракитиным в коридоре, когда я в приемной мирового судьи получала своё свидетельство о разводе, но дружки Ивана, его спонсоры, коллекторы и прочая шушера, действительно отстали.

За месяц, что жила у родителей, да и в последующие годы, они меня ни разу не побеспокоили. Ни письмами, ни звонками, ни личным присутствием. Словно в один миг, раз, и позабыли.

А это со стороны Ивана уже само по себе было неоценимым подарком.

Ладно, хватить о прошлом.

Протираю экран вытянутой манжетой толстовки, чтобы очистить от пыли, и еще раз уточняю время, а потом чуть привстаю, чтобы убрать его в карман.

Сорок минут осталось. И будем дома.

Красота.

Успею стирку запустить и тетради у 6А и 6Б проверить.

Планирую список дел на вечер, когда малышка ляжет спать.

Яркий слепящий свет фар с левой водительской стороны, противоположной той, где мы сидим с дочерью, на секунду озаряет весь салон.

Успеваю только удивиться: что это может быть? Ведь перекрестков в лесу не бывает.

А в следующую секунду происходит резкий боковой удар, от которого я по инерции отлетаю к окну, чудом не задев пристегнутую Полину.

К сожалению, стучаюсь весьма неудачно. Резкая боль прошивает висок. Потому скрежет сминаемого металла, а также последующий хлопок слышится уже где-то вдалеке.

Сознание постепенно уплывает.

***

– Мама! Мамочка! – сквозь треск и хмарь в сознании доносится слезный плач дочери. Именно он и приводит в себя.

Кто-то помогает мне подняться и вернуться в кресло. Но на это не обращаю внимания, просто фиксирую, как факт.

Главное, Полинка. Нужно успокоить крошку, чтобы истерики не случилось.

Боже...

В голове так сильно шумит, что кажется, она взорвется от любого резкого движения или крика. Поэтому поворачиваюсь медленно, но уверенно.

Стараюсь приоткрыть глаза. Получается. Но пелена мешает, как и яркий слепящий верхний свет работающих на полную мощность плафонов.

Промаргиваюсь и шурюсь, пытаюсь понять, что произошло, и сориентироваться для дальнейших действий.

– Мамочка, – обхватывает ручками мою ладонь дочка, заглядывая в глаза. Глазёнки испуганные-испуганные, а нижняя губка трясется.

Господи, какая же она маленькая и растерянная в этот момент. Неосознанно подаюсь к ней ближе, прижимая к себе.

Даже тошнота и боль, раскалывающая череп напополам, уходят на второй план.

– Тш-ш-ш, Поля. Всё хорошо, милая, – убираю растрепанные волосы с залитого слезами личика, внимательно её разглядывая на предмет повреждений, и успокаивающе поглаживаю по спине. – У тебя ничего не болит?

– Нет, – качает головой.

– Точно?

– Да, я же пристегнулась, – показывает, отклоняясь, на ремень безопасности.

– Вот и замечательно, – выдавливаю улыбку, чтобы подбодрить своего котенка. – Ты у меня умница.

– А у тебя кровь, мамочка, – смотрит внимательно на мой правый висок и тихонько всхлипывает.

– Да? – поднимаю ладонь к голове, чтобы понять размер трагедии, но мне не дают.

Кто-то перехватывает руку.

– Юлия Сергеевна, не трогайте. Вы похоже о край оконной рамы ударились во время столкновения. Я сейчас аптечку у водителя возьму и обработаю.

Перевожу взгляд влево на сидящего на корточках не то парня, не то мужчину лет тридцати или чуть больше. Незнакомого. И хмурюсь, потому что в его словах что-то царапает. Цепляет неправильностью. Но вот что именно – никак не могу сообразить.

Ладно, неважно.

Потом подумаю.

– Хорошо, спасибо Вам, – возвращаю руку Полине, которая вцепляется в неё обеими ладошками.

– Я скоро, – выпрямляется во весь свой немалый рост молодой человек. – Только не вставайте, пожалуйста.

Прикрываю на секунду глаза вместо кивка и перевожу взгляд на салон, гудящий словно улей. Кое-где слышатся плач и причитания, но в основном только недовольное бормотание и бурчание. И несколько человек ходят взад-вперед по проходу, названивая по телефонам.

– Милая, Вам срочно нужно в больницу, – привлекает внимание сидящая на противоположной стороне от прохода дама, смотря на меня с участием. – Уверена, это сотрясение мозга.

Такой сильный удар был, что Боже мой... Хорошо, наши сидения еще высоко, иначе и мы с Валерой пострадали. А вы, голубушка, зря не пристегнулись.

– Вы правы, – натягиваю улыбку, – зря.

– А мы даже не сразу поняли, что произошло, а молодой человек уже к Вам подскочил. Ой, какой хороший и внимательный.

– Да, – соглашаюсь односложно, так как тархтение утомляет и добавляет шума в голове. А еще чувствуется, как становится холоднее.

Вот это плохо.

– Поля, надень-ка шапочку, кажется, дверь на улицу открыта. Не хочу, чтобы ты простыла, милая.

– Хорошо, мамочка, – тут же кивает малышка, чем безумно радует.

Спорить и уговаривать нет никаких сил. Тошнота стоит комом в горле, а любое движение головой вызывает колокольный звон в ушах.

– Умницы, девчонки, что не сбежали, а-то где бы я вас искать стал, – проскальзывая бочком мимо колоритного мужчины, занявшего весь проход, наш знакомец-незнакомец привлекает к себе внимание окружающих, улыбаясь от уха до уха.

Вот же шут гороховый.

Нашел время и место красоваться и хохмить, однако, помощь его сейчас очень необходима. Кажется, остальным до нас нет никакого дела.

Что ж, не впервые.

– Вот, смотрите, что я достал, – укладывает мужчина мне на колени аптечку первой помощи.

Я же в ответ хмыкаю, но от комментария воздерживаюсь. Почему-то слабо верится, что в ней найдется хотя бы перекись водорода для обработки раны.

– Ты же Полина? – обращается тем временем незнакомец к дочери и после её кивка командует. – Будешь мне помогать, как взрослая.

– Конечно, буду, – заявляет маленькая прелесть, выпрямляясь на сидении и отпуская мою руку. – Мне почти пять.

– Отлично, тогда держи коробку и подавай по одному кусочки ваты вот из этой упаковки. Договорились?

– Да.

– Молодец, – подмигивает молодой человек, возвращая внимание к ране. – Кстати, меня Максим зовут. Жаль, что знакомиться приходится в таких неприятных обстоятельствах.

– Я, – решаю представиться в ответ и в этот момент догадываюсь, что в начале разговора так зацепило. – Откуда Вы знаете, как нас зовут?

– Расскажу, если сразу перейдём на «ты», – взяв за подбородок и повернув лицо влево, мужчина прищуривается, рассматривая поврежденный висок.

– Всё так плохо? – стараюсь прочитать ответ по мимике.

– Не особо, просто немного кровит. Сейчас мы с Полей постараемся это исправить. Да, моя помощница?

– Да, – звонко рапортует дочка, я же непроизвольно кривлюсь от громкого звука.

– Тш-ш-ш, у мамы болит голова, давай не будем расстраивать её еще больше.

– Хорошо, – соглашается, перейдя на еле слышный шепот, дочурка. От чего хочется рассмеяться. – Прости, мамочка.

– Так, сейчас будет жечь, но мы подуем.

– Обязательно, – поддерживает Максима юная санитарка.

Ясно, эти двое спелись. А Полине очень понравилось новое занятие.

Размышления о родном сокровище помогают отвлечься от саднящей боли, да и выполняет все действия лекарь очень быстро и профессионально, что удивляет.

– Ну, вот и всё. Так намного лучше, – приклеив напоследок два лейкопластыря, Максим рассматривает свою работу, а после подмигивает дочери. – Молодец, помощница, справилась «на отлично».

– Спасибо, – благодарю спасителя, а после уточняю, что же всё-таки произошло.

– Парень ехал нам навстречу и на скользком повороте не справился с управлением. Занесло. Как итог, задел по касательной левый бок автобуса, а заодно и колесо напрочь снёс. Вызвали эвакуатор, так как заменой резины тут дело не обойдется. Но, главное, все живы. В основном пассажиры только испугались от сильной встряски. Самое сильное повреждение у тебя, у еще шестерых только ушибы.

– Ясно. Значит, до поселка мы не доедем?

– Дежурный автобус уже в пути. Думаю, минут через пятнадцать будет. А ты пока съешь обезболивающее, – протягивает мне блистер с таблетками и воду. – Лучше, сразу две.

Делаю, как сказал, и прикрываю глаза, пока Полина о чём-то с ним негромко беседует. Так и время пролетает незаметно.

Помощь действительно приходит очень быстро, и нас пересаживают. Что радует, к этому моменту голова практически не болит, лишь зудит в области виска. И остальной путь проходит без приключений.

– Я вас подброшу, у меня машина на стоянке, – кивает в сторону автовокзала Максим, когда выходим из автобуса в числе последних. – Подождите минут пять.

– Мы такси возьмем, не стоит...

– Пять минут, – поднимает руку мужчина, не давая закончить фразу, и быстрым шагом устремляется прочь.

– Какой упрямый. Как Серёжка у нас в группе. Тот тоже всегда всё делает по-своему, – комментирует происходящее Полинка, подпрыгивая рядом и уже практически забыв о неприятностях в автобусе.

Ну и, слава Богу.

Такой вариант меня очень устраивает.

– Завтра в травму обязательно сходи или врача вызови, если станет хуже, – остановившись минут через десять перед нашим домом, даёт последние наставления мой сегодняшний спасатель Максим. – С ранами головы шутки плохи.

– Хорошо, постараюсь, – тянусь к ручке открытия двери.

– Не постараюсь, а обязательно! Полина, как взрослая и ответственная девочка, будь любезна проконтролировать, – обращается раскомандовавшийся мужчина уже к дочери.

– Сделаю, – кивает важно моя деловушка.

– Вы так и не сказали, откуда знаете наши имена, – хмурюсь, так как этот вопрос не даёт покоя.

– А я предлагал перейти на «ты», – улыбается в ответ, подмигивая. – Но, кто-то отказался. Ладно, уверен еще обязательно встретимся, и я открою секрет. Посёлок же маленький.

Глава 6

Отведя с утра пораньше Полю в садик, решаю последовать совету нового знакомого и забежать в амбулаторию, чтобы еще раз проверить рану и обработать, если понадобится.

Да, особого желания участвовать в толкучке и воевать с бабульками, денно и ночно несущими вахту под дверью кабинета врача, чтобы померить давление и просто поговорить за жизнь, желания особого нет. Как и вообще находиться в здравучреждении, где всё выглядит пусть и более-менее чистеньким, и даже сделан копеечный ремонт, но впечатление производит всё равно гнетущее и упадническое.

Затертый по центру линолеум, смотрящийся по углам еще довольно-таки свежо, бледно-желтые крашенные стены, деревянные скамейки вдоль всего коридора, пара железных напольных вешалок-стоек по углам и допотопная дверь из оргалита с маленьким окошком в каморку регистратуры.

По счастливой случайности Ольга Максимовна, врач общей практики, ведущая наш участок и неоднократно занимавшаяся лечением Полины, встречается в коридоре, как только я захожу в амбулаторию.

– Доброе утро, неужели снова дочка заболела? – останавливается она первой, кивая проходящим мимо многочисленным знакомым.

– Нет, теперь я к Вам сама по себе. Доброе утро, – улыбаюсь в ответ и, показав на заклеенный лейкопластырем висок, кратко объясняю причины травмы.

– О, да, я уже слышала. Хорошо, что Вы пришли. Пойдемте со мной.

Вот таким чудесным образом я избегаю уже образовавшейся у кабинета очереди и не рискую опоздать ко второму уроку.

Пока Павлова занимается непосредственно мною, проводя осмотр и заставляя сделать нехитрые упражнения, медсестра успевает заполнить медицинскую карточку, которой тут отродясь не было. Да она и не требовалась. Болеть я не люблю, а при первых симптомах простуды всегда принимаю витамины или соответствующие порошки.

– Так, Катюша сейчас еще раз обработает рану и заклеит. По таблеткам – оставляем их же на всякий случай, но, если головные боли вновь возобновятся, не ждём, приходим или звоним. Тянуть и рассчитывать на авось не стоит. Пока КТ делать не вижу необходимости.

– Хорошо.

– Выписать Вам больничный на эту неделю, чтобы отлежаться?

– Ой, даже не знаю, – теряюсь от такого заманчивого предложения.

Потому что встречаться со Шляковым в ближайшем будущем нет желания. А тут и он бы поутих за семь денёчков, да и я нашла себе занятие по душе.

– Всё же настоятельно советую не отказываться. Школа от Вас не убежит, а здоровье должно быть на первом месте.

Удивленно распахиваю глаза, поскольку про работу на моей памяти не было разговоров ни разу.

– Ой, Юлия Сергеевна. Поселок же маленький, да и мой Сашка у Вас учится в 7б классе, – поясняет охотно женщина, одаривая понимающей улыбкой.

– Точно, – вспоминаю кудрявого мальчишку, любящего в отличие от большинства не носиться по коридорам в перемену, а что-то читать.

– Я всё обработала, Ольга Максимовна, – заклеив пластырем рану, отходит к раковине помыть руки медсестра.

– Вот и отлично, а я закончила оформлять бланк, – кивает, глядя в документы, Павлова. – И сразу его закрыла воскресеньем. Так и Вам приходиться не придётся лишний раз, да и мне время сэкономится.

– Спасибо, – удивлюсь нереально шикарному стечению обстоятельств.

Неожиданно, но очень вовремя и удачно, если можно так сказать.

– Ой, это Вы Максима Сергеевича благодарите. Он с самого утра забежал и предупреждал о Вашем приходе.

– Кого? – не улавливаю, о чём идёт речь.

– Лукина, – теперь приподнимает брови сама врач.

– Стоматолога нашего нового, – подсказывает, хитро улыбаясь, медсестра Катенька.

– А-а-а, Максим Сергеевич, значит, – понимаю, наконец-то, что и к чему. – Конечно-конечно, обязательно поблагодарю.

Хмыкаю, кивая головой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.